

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

**Гриша, или Любовь сестры.
Случай из жизни одного
мальчика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иосаф Арианович Л.**
Гриша, или Любовь сестры. Случай из жизни одного мальчика / Любич-Ко-
шуров Иосаф Арианович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-94396-3

ISBN 978-5-519-94396-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДОБРЫЯ ДУШИ.
ЧТЕНИЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

І. А. Любичъ-Кошуровъ.

ГРИША

— ❖ — ИЛИ — ❖ —

ЛЮБОВЬ СЕСТРЫ.

(Случай изъ жизни одного мальчика).

Съ рисунками.



Издание книгопродавца М. В. Клюкина.
Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Дозволено цензурою. Москва, 12 февраля 1905 г.

Товарищество типо-литографіи **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.**
Марьина роща, соб. домъ.

Гриша или любовь сестры.

(СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО МАЛЬЧИКА).

I.

Разбираясь у себя въ ящикѣ, Гриша нашелъ тщательно завернутые въ старомъ конвертѣ, перевязанномъ туго крестъ-на-крестъ ниткой, сѣмена дурмана.

Сѣмянъ было много—почти полгорсти.

Гриша собралъ эти сѣмена въ прошломъ году невѣдомо зачѣмъ, и, вѣроятно потому, что самому ему было неизвѣстно, для чего ему собственно нуженъ дурманъ, весь тотъ день былъ молчаливъ и необыкновенно мраченъ.

Конечно, онъ не памѣревался дѣлать изъ дурмана яда.

Вѣроятно, также онъ не предполагалъ разводить дурмана.

Дурманъ, крѣпко-на-крѣпко перевязанный бечевкой, лежалъ у него въ ящикѣ въ заднемъ углу.

Этого было достаточно.

Скрытые отъ людскихъ взоровъ, поселились у него въ ящикѣ страхъ и ужасъ—эти маленькія черныя угловатыя сѣмена... Гриша былъ ихъ владѣльцемъ.

Если бы изъ маленькой съ обгрызанными мышами страницами книжечки, хранившейся у него тоже въ ящикѣ, вылѣзъ изображенный на десятой страницѣ католическій монахъ—вѣрный слуга испанской инквизиціи,—этотъ монахъ могъ бы смѣло и не роюя своего достоинства подать Гришѣ руку.

Въ книжкѣ, обгрызанной мышами, описывалась именно испанская инквизиція...

Упомянутый монахъ, судя по тому, что о немъ было написано, не затруднился бы отправить на тотъ свѣтъ даже самого себя, если бы ему это приказали.

Онъ назывался отецъ Антоніо и постоянно возилъ съ разными таинственными ядами, извлекаемыми имъ изъ всевозможныхъ растеній.

Правда, онъ, кажется, никогда не прибѣгалъ къ дурману; но это ничего не значило.

Не могъ же онъ, правда, знать всѣ ядовитыя травы.

Во всякомъ случаѣ онъ, вѣроятно, не отказалъ бы Гришѣ въ удовольствіи съ нимъ побесѣдовать.

— Какъ тебя звать, сынъ мой?

— Григорій.

— Прекрасное имя, сынъ мой. Ты не воспитывался въ академіи отцовъ-іезуитовъ?

— О, нѣтъ, святой отецъ.

— Очень жаль, сынъ мой. А это что у тебя въ конвертѣ?

— Это—дурманъ.

Отецъ Антоніо дѣлаетъ большіе глаза.

— Какъ?

И тутъ онъ, откидывая капюшонъ и обнажая свои

сѣдую голову, прикрытую только на затылкѣ черной эрмолкой, прикладываетъ руку къ уху.

— Ты что сказалъ, сынъ мой?

— Святой отецъ, это—тайна.

И Гриша хватается святого отца за руку.

Отецъ Антоніо поднимаетъ вверхъ правую руку и складываетъ два пальца, вытянувъ ихъ тоже вверхъ.

— Заклинаю тебя именемъ Бога: открой мнѣ эту гайну.

Потомъ онъ спрашиваетъ:

— Что такое дурманъ?

— Ядъ,—говоритъ Гриша.

На тонкихъ губахъ отца Антоніо появляется сатанинская улыбка. Онъ простираетъ къ Гришѣ дрожація руки.

— Сынъ мой...

Онъ заикается, глаза блестятъ; пальцы, тонкіе какъ пальцы скелета, закорючиваются на подобіе когтей хищной птицы.

— Отдай мнѣ этотъ ядъ... Я сейчасъ велю осѣдлатъ двухъ муловъ, и мы вмѣстѣ съ тобой отправимся къ синьорѣ Борджіа.

Но Гриша неумолимъ.

— Нѣтъ,—говоритъ онъ.

Тогда отецъ Антоніо опять убирается въ свою книгу за десятую страницу.

Пусть онъ и сидитъ себѣ въ этой книгѣ.

Очень онъ нуженъ Гришѣ!

Никакой синьоры Борджіа, никакого отца Антоніо не нужно Гришѣ!

Пусть только они знаютъ, что и у него кое-что есть, да не про ихъ честь.

Спрятавъ дурманъ въ ящикъ, Гриша отправился къ сестрѣ.

— Вѣра, дай мнѣ борной кислоты.

— Зачѣмъ тебѣ борная кислота?

Гриша показываетъ ей руки.

— Если я,—говорить онъ глухимъ голосомъ,—прикоснусь къ тебѣ этими руками, ты въ ту же минуту умрешь. Онѣ пропитаны ядомъ.

Сестра смотритъ на него растерянно, вытаращивъ глаза.

Нѣсколько секундъ она сидитъ неподвижно и молча потомъ говорить:

— А, какъ же ты?..

И она шире раскрываетъ глаза. Ротъ у нея тоже полуоткрытъ. И вдругъ на губахъ загорается улыбка...

Гриша чувствуетъ, что она вотъ-вотъ засмѣется, и потомъ начнетъ хохотать громко, неудержимо и затопаетъ ногой, какъ это съ ней всегда бывало, если приходилось хохотать долго, до слезъ.

Но она сдерживаетъ себя.

— Да какъ ты-то живъ?—спрашиваетъ она.—Ты же вѣдь говоришь, что самъ весь пропитался этимъ ядомъ?

Опять у нея округляются глаза. Маленькія морщины слабо обозначаются на лбу. Брови чуть-чуть приподнялись.

Гриша называетъ ее душой и идетъ въ кухню. Тамъ



онъ моетъ руки водой и золой, а потомъ мыломъ.

У кухарки онъ спрашиваетъ мрачно:

— Извѣстно ли тебѣ, что такое анчаръ?

И сейчасть же поясняетъ:

— Анчаръ есть ядовитое дерево... Вотъ я какъ едѣлаю себѣ лукъ и стрѣлу съ цыганской иглой да помажу ее анчаромъ, тогда держись только шапка.

Онъ еще навѣрное не рѣшилъ, но ему кажется, что анчаръ, пожалуй, одно и то же что и дурманъ...

Только анчаръ растетъ въ пустынь, а дурманъ—у нихъ во рву.

Когда сегодня у себя въ ящикѣ онъ нашелъ этотъ русскій анчаръ (какъ онъ тогда же мысленно называлъ дурманъ), въ головѣ его блеснула предательская мысль.

Онъ, разумѣется, любилъ свою сестру, но все равно, это не мѣшало ему всяческими способами досаждать ей.

Что его больше всего подмывало на всякія „штучки“, такъ это убійственное спокойствіе, съ какимъ сестра относилась къ этимъ штучкамъ.

„Погоди-же,—рѣшилъ онъ, пересыпая съ руки на руку сѣмена дурмана,—ужъ будетъ теперь довольна.“

И, вставъ вдругъ изъ-за стола, онъ скрестилъ на груди руки, устремилъ глаза съ наморщенными бровями въ окно, въ сторону сада, и сталъ декламировать довольно впрочемъ основательно перевирая слова:

„Въ пустынь чахлой и скупой,
На почвѣ зпоемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной“...

II.

Разъ сестра сказала Гришѣ:

— Гриша, знаешь что я тебѣ скажу: у меня скоро будетъ клумба съ цвѣтами.

Гриша ничего не сказалъ на это, только мрачно нахмурился.

Тогда сестра схватила его за руку, за запястье около кисти, потомъ скользнула по рукѣ ниже и забрала въ руку Гришины пальцы.

— Гриша, слышишь что-ль.

Она потрясла его руку.

Гриша сталъ еще мрачнѣй.

Глядѣлъ онъ не на сестру, а куда-то въ сторону.

Не выпуская его руки, сестра потянула его къ себѣ.

Гриша сталъ мраченъ, какъ ночь.

Во всякомъ случаѣ онъ считалъ себя выше всѣхъ этихъ бабьихъ затѣй!

Какіе тамъ еще цвѣты! Какая клумба!

И вдругъ по его губамъ проползла ядовитая улыбка.

Самъ онъ, разумѣется, не могъ видѣть своей улыбки, но онъ такъ много начитался объ отцѣ Антоніо, улыбавшемся не иначе, какъ ядовитой улыбкой, и цѣловавшемъ попадавшихъ въ руки ему жертвъ ядовитыми поцѣлуями (словно онъ былъ бѣшенный), что онъ приложилъ съ своей стороны всѣ старанія, чтобы улыбка у него точно вышла ядовитая.

Въ эту минуту онъ рѣшилъ, что настало какъ разъ время взглянуть на сестру, и повернулъ къ ней голову.

Онъ зналъ раньше, что въ инныя минуты отецъ Антонію могъ „испепелить“ молніеноснымъ взглядомъ.

И онъ бросилъ на сестру молніеносный взглядъ.

Потомъ онъ поморщился и произнесъ, кривя губы:

— Что!..

— Я купила сѣмянъ для цвѣтовъ и буду дѣлать клумбу.

Она опять тряхнула его за руку.

— Ну и дѣлай,—сказалъ Гриша и высвободилъ руку.

Затѣмъ онъ отступилъ на шагъ, вытянулъ впередъ правую руку, охвативъ ее около локтя лѣвой поверхъ рукава и сталъ, перебирая по рукаву пальцами, сдвигать рукавъ назадъ къ плечу.

Такимъ образомъ онъ обнажилъ всю руку.

А когда обнажилъ, показалъ, какіе у него мускулы.

Для этого онъ сжалъ руку въ кулакъ и, слегка согнувъ ее въ локтѣ, медленно началъ сгибать все болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока отъ натуги глаза у него повыкатились такъ, какъ будто сзади кто надувалъ черезъ шею воздухомъ, и воздухъ, ища обратнаго выхода, всей своей силой устремился въ болѣе слабое мѣсто, въ черепъ, именно къ глазамъ.

Тогда Гриша похлопалъ ладонью по обнаженной рукѣ посерединѣ между плечомъ и локтемъ, гдѣ у него, дѣйствительно, вздулись довольно порядочные мускулы.

Онъ покосился на сестру и сказалъ:

— Видѣла?..

— Какой ты сильный...